

УДК 338. 43. 02 (09) (510)

Кожевникова Л.М.

*Российский государственный социальный университет
(филиал в г. Красноярске)*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КИТАЯ

L. Kozhevnikova

Russian State Social University (Krasnoyarsk branch)

THE HISTORICAL EXPERIENCE OF EXCHANGE RELATION INTRODUCTION INTO THE AGRICULTURE OF CHINA

Аннотация. Опыт внедрения рыночных отношений в сельское хозяйство Китая рассматривается на фоне особенностей эволюции китайской цивилизации. Показано, что методы тактики реформирования заключаются в соединении рыночной экономики с принципами планового регулирования хозяйства. Преобразования отношений собственности проводились путем разграничения прав собственности на землю и прав владения ею. Были созданы условия для формирования рыночной инфраструктуры в аграрной сфере, а система управления адекватно реагировала на неизбежно возникающие в ходе модернизации проблемы. При оценке реформ в Китае автор указывает на их теоретическое значение и считает, что в российских условиях важно извлечь из китайского опыта мировоззренческие и методологические подходы к разработке всего комплекса проблем переходного периода.

Ключевые слова: аграрная сфера, духовно-нравственные ценности, азиатский способ производства, система управления, рыночные отношения, семейный подряд, рыночная инфраструктура.

Abstract. This article analyses the image of Germany on the pages of the Russian press during the Russian-German "newspaper war" in March 1914. The basic source for this article is the Russian periodical press of various political orientations - from the Black Hundreds to liberals. The author concludes that the "newspaper war" intensified the Anti-German moods in Russia. In the spring of 1914 the Russian press was unanimous in condemnation of the German foreign policy, its goals and its methods. The heat of the anti-German rhetoric in the Russian press testifies to the fact that the "newspaper war" became an important stage in the psychological preparation of Russian society to the world's armed conflict of 1914-1918. It has contributed to the consolidation of various socio-political forces in Russia in the face of the external enemy.

Key words: Russian-German "newspaper war" in March 1914, Russian press, image of Germany, image of enemy, eve of the First World War.

Экономическая деятельность человека берет начало в аграрной сфере. Во все времена все без исключения государства искали эффективные методы управления сельским хозяйством. За многовековую историю цивилизации накоплен богатый опыт поиска управленческих механизмов, который важен для нашей страны в переломный период ее эволюции. Историческим феноменом конца XX столетия является переход традиционной экономики Китая к новому качеству. Модернизация представляет часть общемирового процесса рыночной трансформации и имеет теоретическое значение для изучения особенностей переходного периода в отдельных странах на современном этапе. Не случайно с конца 1990-х гг. в отечественной литературе значительно вырос интерес к преобразованиям в КНР. К числу современных российских ученых, которые углубили и расширили познание процессов, происходящих в этой стране, следует отнести Я.М. Бергера [2], А.П. Бутенко [4], Л.С. Васильева [5; 6], Л.П. Делюсина [7; 8], Б.Н. Кызыка [11], В.Я. Портякова [17], М.Л. Титаренко [11]. Опираясь на результаты их исследований, можно определить основные закономерности перехода аграрной сферы Китая к рыночным отношениям с целью извлечения опыта. Чтобы объяснить логику происходящих в настоящее время в стране процессов, необходимо обратиться к истокам ее хозяйственной системы управления.

© Кожевникова Л.М., 2011.

Китайская цивилизация зародилась в середине IV тыс. до н.э. в на огромном пространстве Азиатского континента. Характерные географические, природно-климатические и исторические особенности государства способствовали формированию уникальной социокультурной системы, основу которой составляли своеобразные духовно-нравственные ценности и азиатский способ производства. Менталитет народа сложился из религиозно-философских идей конфуцианства, которое ориентировало на необходимость заботы государства о народе, уважение старших, сохранение и передачу последующим поколениям древних традиций. Учение проповедовало поклонение верховному правителю, нравственное достоинство человека, самосовершенствование личности и призывало к социальной гармонии. Азиатский способ производства стал основой экономики китайской цивилизации: деспотия и покорность верховной власти, слияние власти и собственности, коллективизм, первичность духовного по отношению к материальному. На его базе сложились особенности эволюции сельского хозяйства. В аграрной экономике превалировала государственная собственность на землю. Производство и распределение произведенного продукта сосредоточились в центральной системе управления. Общественные работы и коллективный труд стали основой земледелия в национальных масштабах. Непосредственные производители трудились в рамках общины и являлись подданными государства.

Данный тип развития имел свои плюсы и свои минусы. Типы их сочетания можно разделить на две группы: государство и общество, государство и личность. В первом типе государство осуществляло верховную власть и тотально контролировало всю жизнедеятельность общества. Но именно в этой роли оно защищало свой народ от стихийных и иных бедствий, и именно в условиях восточной деспотии зародился патернализм. В рамках азиатского способа производства уже в древности на базе конфуцианства сложилась уникальная система управления сельскохозяйственным производством, которая достойна изучения в наше время. Кандидаты на государственные должности должны были освоить древние заветы, философские и исторические науки, изучить основы аграрного дела. В практической деятельности представители аппарата регулярно выезжали на места: проверяли наличие запасов воды и состояние оросительных систем, накоп-

ление зерна, разрешали земельные споры. В условиях Древнего Китая назначением этой системы являлось исполнение воли центра. Но нельзя не признать, что уникальность ее заключается в обучении науке разумного управления экономикой и обществом.

Второй тип сочетания касается роли отдельного индивида в обществе. Коллектив защищал человека в хозяйственной жизни, но препятствовал проявлению индивидуальной самореализации. Духовные ценности народа исключали стремление к накопительству и формировали идеологию разумного достатка, но отвлекали человека от активной творческой деятельности. Наиболее негативное влияние оказал восточный тип цивилизации на инициативу деятельности в сфере товарно-денежных отношений. Особенно наглядно это прослеживается французским историком Ф. Бродезем. Описывая историю зарождения и эволюции сферы обращения, он отметил, что Китае, как и в других странах Востока, были развиты торговля и товарно-денежные отношения, появились основы банковской деятельности [3, 88, 101]. С древности славился разнообразием своих товаров Великий китайский шелковый путь. Однако государство жестко контролировало и регламентировало торговую деятельность купечества и всю сферу обращения в целом. По описаниям Ф. Бродезя, многие китайские мандарины вкладывали деньги в дела купцов, которые охотно покупали их благосклонность. Престиж мандаринов нередко толкал зажиточные купеческие семьи на то, чтобы продвигать своих сыновей на эти блестящие и возбуждавшие зависть посты [3, 607]. Отмеченная французским историком тенденция означала стремление богатых владельцев капитала купить престижное звание чиновника. В итоге происходило «омертвление» капитала, накопленного в торговле, что тормозило процесс расслоения крестьянства, перевод его хозяйства на денежную ренту и препятствовало началу промышленной революции. Таковы силы традиционного общества с азиатским способом производства. С такой сложившейся системой в условиях консервативной стабильности Китай просуществовал до 40-х гг. XIX в. После опиумной войны, навязанной стране Англией, и подписания в 1842 г. Нанкинского договора, который ущемлял суверенные права государства, Китай фактически стал полуколонией, открытой для иностранной торговли на очень льготных условиях.

Путь, избранный после обретения подлинной независимости и провозглашения Китайской Народной Республики в 1949 г., усугубил кризис полукOLONиальной зависимости и не привел страну к экономическому прогрессу. Культурная революция, провозглашенная Мао Цзедунем и проводимая в Китае в 1966-1976 гг., слишком дорого обошлась китайскому народу. Около трети населения страны оказалось на грани выживания. Индустрия находилась на самом низком уровне. Социальная сфера во многих провинциях была в запущенном состоянии. В стране насчитывалось 170 млн. неграмотных китайцев [15, 5]. Вопрос о путях развития встал на повестку дня после смерти вождя культурной революции Мао Цзедуня в 1976 г. В этот период на политический олимп вернулся опальный Дэн Сяопин – «знаковая» фигура современного Китая, которого поддерживали отдельные лидеры коммунистической партии (КПК). Новое руководство избрало позицию прагматизма: реалистически оценило предшествующий опыт, положение в мире на современном этапе и выдвинуло стратегию перехода к рыночным отношениям с применением на китайской земле прогрессивного опыта других цивилизаций. Причем особо следует подчеркнуть, что Дэн Сяопин акцентировал внимание на необходимости оптимального сочетания национального и международного опыта [9, 155]. Методы тактики реформирования сложились на основе возрождения конфуцианских традиций к достижению социальной гармонии – компромисс, постепенность и социальная стабильность. Их цель заключалась в соединении рыночной экономики с принципами планового регулирования хозяйства. Главная роль в претворении этой идеи в жизнь отводилась прежней политической системе – КПК и государственным органам. В перераспределении системы управления в направлении поощрения и внедрения рыночных отношений в экономику прагматик Дэн Сяопин также придерживался позиции не допустить крайности и подчеркивал, что партия не против коммерции, но против равнения во всем на звонкую монету [9, 43]. Именно поэтому и считал, что в ходе кардинальных для китайской цивилизации изменений важно придерживаться национальной идеи и сохранить политическую стабильность, для чего выдвинул идею «социализм с китайской спецификой» и необходимость при переходе к рынку «... твердо придерживаться идей Мао Цзедуня» [9, 36, 71].

Сегодня можно по-разному интерпретировать его теоретические взгляды и условия для реформ. Для Л.С. Васильева, например, идея «социализма с китайской спецификой» – не более, чем камуфляж. Смысл лозунга в том, чтобы выиграть время и предотвратить взрывчатый процесс...» [6, 387]. Так или иначе, но нельзя не признать, что цель единства была достигнута. В 1980 г. Всекитайское собрание народных представителей приняло решение об изъятии из Конституции статьи о «широком высказывании мнений, ... широкой дискуссии...» [9, 188]. Эти установки и определили степень радикализма в реформировании системы управления. После перерегистрации и омоложения кадров в высших партийных органах КПК осталась руководящей силой в обществе. Но постепенно произошел переход управления от партийных органов к хозяйственным, к сочетанию плановых начал с механизмом рыночного регулирования. В русле общей тактики модернизации проводились реформы отношений собственности. В этом процессе правительство действовало особенно осторожно и широко применяло метод эксперимента. Поэтому преобразования с самого начала ориентированы не на введение частной собственности, а на поиск конкретных форм разграничения прав собственности и прав владения. Начались они с сельского хозяйства.

Отправным этапом стал III Пленум ЦК КПК в декабре 1978 г. Он положил начало перестройке форм и методов организации сельскохозяйственного производства и расширению хозяйственной самостоятельности. По инициативе сельских тружеников была ликвидирована система «народных коммун», созданная в период «большого скачка». Земельные участки из коллективного фонда стали передаваться крестьянским дворам в долгосрочную аренду на правах семейного подряда. Таким образом, государство сохранило за собой собственность на землю, но обеспечило самостоятельность хозяйствования на земле. Раскрепощение инициативы способствовало возрождению традиций совмещения крестьянского труда с ремеслом и подсобными промыслами. В деревнях появились волостные и поселковые предприятия, которые обеспечили развитие деревенской промышленности и аккумулировали высвобождающиеся трудовые ресурсы. Параллельно проводились меры по возрождению товарно-денежных отношений на селе. Реформа системы государственных заготовок и закупки

сельхозпродукции установила двухуровневую систему цен. Фермеры продавали государству установленный объем по фиксированной цене, а всю продукцию сверх этого объема могли реализовывать по рыночным ценам. Причем доля продажи на рынке постоянно увеличивалась. Эти меры позволили сельским товаропроизводителям иметь на первом этапе гарантированный рынок сбыта, но и одновременно устанавливая новые выгодные экономические связи вполне безболезненно для хозяйства.

Успеху реформ в сельском хозяйстве сопутствовали общеэкономические преобразования. Идеология китайских реформ исключила методологию «шокового варианта модернизации», так как цель реформ – не допустить крайней поляризации общества. Преобразования отношений собственности предприятий, обслуживающих аграрный сектор, проводились путем расширения самостоятельности и повышения ответственности директоров путем хозяйственной системы. Поэтому не произошло разрыва сложившихся хозяйственных связей и взаимных платежей. Более того, государство поощряло саморазвитие частного сектора. Он оказался особенно эффективен в переработке сельхозпродукции, производстве продуктов питания и технических средств малой механизации для индивидуального крестьянского сектора, что позволило расширить рынок сбыта и рынок услуг для аграрной сферы. Центр также поощрял развитие рынка услуг непосредственно на селе. Законом 1996 г. были предоставлены налоговые льготы волостным и поселковым предприятиям, занимающимся хранением, переработкой и транспортировкой зерна и риса, мяса и кормов. Законодательно закреплена их обязанность выделять часть средств на производственные нужды и социальные программы села. Кардинально изменилась система финансового обеспечения. Она включала: Банк Китая и иностранные инвестиции. Как и рассчитывал Дэн Сяопин при провозглашении открытости государства, от 75 до 80 % инвестиций в экономику осуществлены этническими китайцами, проживающими за рубежом [17, 16]. Внутри государства главным в финансовой политике являлось сдерживание либерализации цен, особенно в начальный период. На постоянном уровне сохранялось три вида цен: директивные, индикативные и свободные рыночные. Эта политика, а также контроль за ценами на энергоресурсы, позволили избежать

диспаритета между промышленностью и сельским хозяйством.

Комплексный характер демонтажа старого и складывания нового хозяйственного механизма способствовал относительно быстрой адаптации населения к товарно-денежным отношениям и позволил КНР не допустить массового разочарования общества в рыночных принципах. Экономическая реформа в Китае в целом и в целом обеспечила начало относительно безболезненного перехода к рыночным отношениям и на этой основе содействовала развитию производительных сил и повышению уровня жизни народа. С 1979 по 1984 г. валовой сбор зерновых увеличился с 304,8 до 407,3 млн. тонн, и проблема насыщения минимальных потребностей в продовольствии была решена [16, 617]. За 1978-2003 г. ВВП Китая возрос почти в семь раз. По темпам экономического роста (около 9% в среднем за год) Китай обогнал все остальные страны мира [1, 86]. Приведенные данные поразительны, но логика реформирования в любом случае, в том числе и в китайском варианте, предполагает как успехи, так и недостатки. Не касаясь всех возникающих в ходе модернизации проблем, следует обозначить издержки переходного периода непосредственно в сельском хозяйстве. Повсеместный переход к индивидуальному хозяйству привел к преимуществу мелкотоварного уклада в аграрной сфере, который не мог обеспечить постоянное участие крестьян в поддержании системы бассейнового орошения. Но даже эта вековая необходимость не инициировала у крестьян стремление к объединению. Так велика оказалась тяга китайских сельских тружеников к индивидуальному хозяйству, а перспективы кооперирования в сельском хозяйстве после печального опыта народных коммун не внушали большинству оптимизма. На первоначальном этапе, когда доход фермера достигал уровня выше прожиточного минимума, начиналось «проедание» накоплений. Крестьяне, долго терпевшие нужду, начинали приобретать домашнюю технику, мотоциклы и автомобили, строить кирпичные дома. Эта тенденция вела к повышению благосостояния и обеспечению зажиточности, что, казалось бы, привело к реализации поставленных реформой задач. Но постепенно становилось все более очевидным, что тяготеющее к универсальности и самообеспечению мелкокрестьянское хозяйство с низким уровнем товарности является тормозом на пути включения китайской деревни в систему рынка.

К 2005 г. всего 9,8 % общего количества крестьянских дворов страны было охвачено производственной кооперацией [18]. Уровень механизации сельского хозяйства составлял 36,5% [12]. В результате уже к началу 1990-х гг. замедлились темпы роста сельскохозяйственного производства. Возник парадокс: модернизация началась с аграрной сферы, которая сама и оказалась в худшем положении по сравнению с другими отраслями и, прежде всего, по уровню механизации труда. В 2006 г. Министерство сельского хозяйства Китая приняло «Программу развития сельского хозяйства и экономики села КНР на 11-е пятилетие (2006-2010 гг.)», в которой поставлены задачи: паевое кооперативное хозяйствование с сохранением базы для семейного подряда [13]. Государство инициирует создание в деревнях коллективных хозяйств по обработке земли, мелиорации, обеспечению мелких фермеров техникой. В 2006 г., впервые за многовековую китайскую историю, полностью отменен сельхозналог. В 2008 г. ЦК КПК принял программу индустриализации аграрного сектора [2, 304-305]. Важнейшим направлением в настоящее время является работа по совершенствованию управления земельными ресурсами, которая направлена на становление рынка земли. Однако сдерживающими факторами перехода к рыночной экономике и повышения жизненного уровня являются: большая численность населения и нехватка земель сельскохозяйственного назначения. Поэтому правительство и КПК ставило и ставит перед собой реальные задачи: к концу первой половины XXI в. выйти в число экономически средне-развитых стран [9, 214]. Но ясно одно: в Китае продолжается новая полоса масштабных преобразований, а система управления, имеющая древние традиции, адекватно реагирует на неизбежно возникающие в ходе модернизации проблемы и издержки переходного периода.

Оценивая китайский опыт, безусловно, можно извлечь полезные уроки, но особенно важно подчеркнуть их теоретическое значение. Методологическая концепция патриарха модернизации Дэн Сяопина: план не эквивалентен социализму, как и рынок – капитализму, ибо в том и в другом случае существуют план и рынок, внесла новое содержание в понятие рыночной экономики. Отвечая на вопрос: в какой мере совместима рыночная экономика с разными формами собственности, А.П. Бутенко утверждает, что «... в принципе рынок совместим с разными формами собствен-

ности, хотя бы потому, что рыночные отношения были и при разложении первобытно-общинных отношений, при рабстве, при феодализме и в тех обществах, которые называли себя социалистическими, не говоря уже о капитализме – этой наиболее развитой рыночной экономике» [4, 18]. Применительно к экономике современного Китая академик В.В. Милосердов справедливо, по мнению автора, утверждает: «Китайские экономисты план и рынок не связывают с определенными системами (социализмом или капитализмом). Они считают, что, являясь лишь формой или методом управления экономикой, план и рынок никогда не существовали в чистом виде, а их соотношение менялось в разные периоды в разных странах. История человечества – это, прежде всего, история развития товарного хозяйства» [14, 2]. Выводы ученых имеют историческую основу и объяснение. Любой историк или экономист знаком с генезисом мировой экономики и знает, что рыночные отношения зародились из обмена, который своими корнями уходит в первобытное общество, и имел место во всех типах цивилизаций. Из обмена выросли торговля, товарное производство и товарно-денежные отношения. И, как уже отмечалось ранее, их развитие в Китае сдерживалось восточной деспотией. Переориентация системы управления в сторону их эволюции и определяет теоретическое значение идеологии Дэн Сяопина и его преемников в мировой истории.

Значимость реформ повышается также и тем, что Китай продемонстрировал всему миру возможность осуществления рыночных преобразований без радикализма в политической системе и в отношениях собственности, без масштабных социальных потрясений. КПК смогла выступить инициатором и организатором обновления, не допустила идеологического вакуума и тем самым способствовала сохранению китайским народом национальной идеи и собственной системы ценностных ориентаций. Что касается наличия элементов деспотии, которые сдерживают в определенной степени активное развитие рыночной инфраструктуры, то в этом вопросе следует согласиться с мнением Л.С. Васильева, что страна медленно и плавно идет к демократическим принципам управления [6, 387-388]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, при всей самодостаточности, Китай успешно входит в общечивилизационную закономерность перехода к модели регулируемого рыночного хозяйствования и

становлению смешанной экономики. По поводу применения китайского опыта в условиях российской действительности с самого начала проведения реформ существуют противоположные точки зрения. В 1994 г. академик В.В. Милосердов писал: «В условиях отсутствия своей модели реформ нам следовало бы позаимствовать опыт Китая, как наиболее приемлемый». Свою позицию он обосновал тем, что обе страны имеют огромную территорию с одинаковыми почвенно-климатическими, экономическими условиями и сходными (социалистическими) производственными отношениями [14, 1]. В.Я. Портяков считает, что в условиях экономической ситуации СССР в годы перестройки необходим был «... долгосрочный структурный маневр в пользу сельского хозяйства и легкой промышленности ... повторение в общих чертах китайского «урегулирования» [17, 152-153]. Но лидеры политических партий, как, например, Г.А. Явлинский [10] и официальное руководство периода 1990-х годов, по мнению В.Я. Портякова, идеологизировали происходящие в Китае события по причине «... сохранения в Китае социалистической ориентации общественного развития» [17, 174]. Поэтому он придерживается позиции, что впечатление от официальных визитов в КНР в 1994 г. В.С. Черномырдина и в 1996 г. Е.М. Примакова «... не вылилось в реальные поручения изучать и тем более использовать в российской практике хотя бы селективно опыт экономических преобразований в КНР» [17, 173].

Автор считает, что необходимость обращения к мировому опыту, как и к опыту отдельно взятой страны, исходит из логики исторического развития. Каждая цивилизация уникальна сама по себе, но все они возникли на одной Планете и постоянно взаимодействуют, чем взаимно влияют друг на друга. Китайские реформаторы учли опыт Японии в становлении смешанной экономики, опыт успешной модернизации стран классического Востока – Тайваня, Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и в какой-то степени при обеспечении политической стабильности для проведения экономических реформ опирались на идею «просвещенного авторитаризма», выдвинутую основателем современного Сингапура Ли Куан Ю. Российские реформы проводились скорее «по западным образцам», форсированным путем в условиях политической нестабильности и методами «шоковой терапии», чем по своим социальным последствиям кардинально отлича-

ются от китайских. Поэтому можно согласиться с мнением Я.М. Бергера о необходимости в настоящий период извлечь из реформ в Китае общие мировоззренческие и методологические подходы для успешного проведения стабилизационных мер в России при переходе к рыночной экономике [2, 496]. Это касается, прежде всего, важности разработки системного подхода ко всему комплексу проблем аграрной сферы, учета национальных особенностей российской цивилизации, формирования основной составляющей модели регулируемого рыночного хозяйства – активной роли государства, планомерного внедрения рыночных отношений в сельское хозяйство с целью использования аграрной сферы для экономического прогресса в стране в целом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бельчук А. Вновь об оценке реформ в Китае // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 4. С. 86-93.
2. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. М.: ИД «Форум», 2009. 560 с.
3. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. М.: Издательство «Весь мир», 2007. 672 с.
4. Бутенко А.П. Перемены в России и Китае: сходство и различие (научный доклад). М: АЗОТ «Эпикон», 1998. 99 с.
5. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1: Учеб. по спец. «История». М.: Высш. шк., 1993. 495 с: ил.
6. Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 2: Учеб. по спец. «История». М.: Высш. шк., 1998. 495 с.
7. Делюсин Л.П. Дэн Сяопин и реформация китайского социализма. М.: Муравей, 2003. 208 с.
8. Делюсин Л.П. Китай в поисках путей развития. М.: Муравей, 2004. 448 с.
9. Дэн Сяопин Основные вопросы современного Китая: Пер. с кит. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
10. Крушинский А. Причины «экономического чуда», не замеченные в Китае лидером «Яблоко». Правда. 1995. 20 мая.
11. Кызык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: Стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.
12. Механизация сельского хозяйства в Китае // Женьминь жибао [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn>. (дата обращения: 12.08. 2006).
13. Минсельхоз КНР поставил три важные задачи развития сельского хозяйства на 11-е пятиле-

- тие // Женьминь жибао [Электронный ресурс] URL: <http://russian.people.com.cn>. (дата обращения: 12.08. 2006)
14. Милосердов В.В. Аграрные реформы России и Китая: их различия // [Официальный сайт академика РАСХН Милосердова В.В.] / Статьи. URL: <http://vladimir.miloserdov.name/> (дата обращения: 18.07. 2006).
15. Мировая экономика: Учебник / Под ред. проф. А.С. Булатова. М.: Юристъ, 2002. 734 с. (Серия: Homo faber).
16. Овчинников В. Взлет Китая: чем поучительна формула успеха? // Российская газета. № 65. 15 апреля 2009. С. 1-8.
17. Портяков В.Я. Экономические реформы в Китае (1979-1999 гг.). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2002. 178 с.
18. Специализированные сельхозкооперации ведут китайских крестьян к обогащению // Женьминь жибао [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn>. (дата обращения: 18.07. 2006).

УДК 94 “1949/2005”

Качан Г.Г.

Дальневосточное высшее военное командное училище (г. Благовещенск)

К ВОПРОСУ О МОТИВАХ ПРИНЯТИЯ РУКОВОДСТВОМ КНР РЕШЕНИЯ О СОЗДАНИИ СОБСТВЕННОГО ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

G. Kachan

Far East Military Command School, Blagoveshchensk

ON THE MOTIVES BEHIND THE CHINESE LEADERSHIP'S DECISION TO PURSUE A NUCLEAR PROGRAMME

Аннотация. Решение китайского руководства о развертывании работ по созданию ядерной программы в 1995 г. было принято на фоне важных международных событий и ситуации внутри страны, причем система мотивов, проистекающих из внутренних факторов, имела сравнительно большее значение для политической элиты КНР. Отмечается, что запуск ядерной программы отнюдь не способствовал укреплению безопасности Китая на раннем этапе, а, напротив, ставил его под угрозу. Социо-культурные факторы, такие, как стремление коммунистического государства к формированию национальной идентичности, и психологические факторы, такие, как националистический настрой военно-политической элиты, стремившейся изжить комплекс неполноценности, оказали наибольшее влияние при принятии данного решения.

Ключевые слова: ядерная программа Китая, ядерная безопасность, ядерный клуб, национальная идентичность.

Abstract. The article considers China's nuclear problem tracing it back to the time when it was launched in 1955. The author questions the common sense assumption that China's nuclear ambitions were primarily aimed at providing military security as the launch of the programme seemingly jeopardized the newly formed communist state. The article presents evidence that the Chinese military and political elite did not want China to be seen as a third-rate country and was motivated by the desire to form a national identity and make up for the grievances of the past.

Key words: the Chinese nuclear programme, nuclear security, the nuclear club, the history of the Chinese nuclear programme, Chinese national identity.

События, последовавшие непосредственно за окончанием Второй мировой войны, опровергли надежды мирового сообщества на достижение длительного мира. Реалии послевоенного мироустройства располагали к взаимному недоверию государств-антагонистов и стремлению дать симметричный или несимметричный ответ на ядерное доминирование США. В число стран, наиболее озабоченных обеспечением собственного выживания, вошла и созданная в 1949 г. Китайская Народная Респуб-